

ГЛАВА 1

— Ох, ну куда меня опять тащат... На лето в деревню. Как будто я маленькая. И ладно бы к бабушке, но она далеко — в России. Просто сняли дом на лето.

Я сидела на заднем сидении папиной «шкоды» в обнимку с желтым рюкзаком и ворчала про себя.

Папа рассказал еще в начале мая, что трассу, по которой он ездит каждый день в офис, будут ремонтировать аж до сентября. Все лето ему предстоит провести в пробках вместе со словенцами, которые спешат по своим делам, и туристами, которые направляются в Хорватию или возвращаются из отпуска. Смотря в какую сторону пробка. Хотя обычно дорога занимает сорок минут. Вообще Словения настолько крошечная страна, что жить в одном

регионе, а работать в другом — вполне в порядке вещей. Ха, вот если бы мы жили в Нижнем, а папа ездил на работу во Владимирскую область. Каждый день! Обхохочешься.

Пока папа расстраивался, мама разработала план:
— Мы переедем на озеро Блед. Тебе — пятнадцать минут до работы, Уле — свежий воздух, а мне — этюды на пленэре.

Моя мама художница, а это значит, что, когда у нее «свет», подходить с просьбой помочь с сочинением бесполезно. Просить помочь с математикой бесполезно при любом освещении. Тут папа на подхвате. Хотя с математикой я прекрасно справляюсь сама. Даже в словенской школе.

Папа говорит с гордостью:

— Математический склад ума.

А мама вздыхает:

— Никакого художественного воображения. Это даже удивительно.

У кого в нашей семье отличное воображение — так это у мамы. Два года назад она лихо разработала план по нашему переезду в Словению. Тогда лозунги были такие: папе — работа по специальности, ребенку (мне) — экология и европейское образование, ей самой — маленькая частная картинная галерея.

Пока повезло только папе. У него действительно потрясающая профессия: он строит яхты. Правда, и пропадает на работе целыми днями. Мама до сих пор не богемная владелица галереи, а преподаватель — учит рисованию русскоязычных детей. А вот я, по ее мнению, необучаема.

— Зато в шахматы дедушку обыгрываю! — говорю я. Ей самой никогда не удавалось переиграть своего отца.

Что касается меня, то я действительно живу в «благоприятной экологической обстановке». Все эти слоганы о зеленой Словении на каждом шагу — не пустой звук. И, конечно, европейски образуюсь. Хотя первый год в новой школе был просто кошмаром. Несмотря на то, что одноклассники и учителя оказались довольно дружелюбными. Но учиться на языке, которого ты не знаешь, когда тебе девять, — сомнительная затея. Конечно, у меня были репетитор и дополнительные занятия. И сейчас я говорю по-словенски вполне сносно.

Второй год в школе прошел лучше. Но вот что меня действительно бесит, так это то, как словенцы постоянно коверкают мое имя. Ульяна, Уля — так меня зовут. По крайней мере, звали. А сейчас я Улиана с ударением на У, Улана или Ула. Даже Вита, моя школьная подруга, когда я прошу ее как следует постараться, неуверенно тянет:

— Улия?

И вот замаячил новый переезд. Пусть на два месяца, но вещи надо собирать и вообще — привыкать к новой обстановке, людям.

На местности я ориентируюсь неплохо. Но на лица память отвратительная. И на имена. «Плохой свидетель» — так называет меня папа. Я люблю читать детективы, и вот что в них самое удивительное: каждый раз находится человек, который видел три недели назад в парке высокого bruneta в зеленом костюме и с серым дипломатом.

Спросили бы меня, кого я видела три недели назад в парке, я бы ответила:

— Деревья!

Нет, новые компании не для меня. К тому времени, как я запомню всех соседей по именам, мы переедем обратно в Любляну.

Родители у меня современные, с моим мнением считаются. Поэтому, когда папа уже обрадовался, мама вопросительно взглянула на меня:

— Ну что, Уля, как тебе идея покататься в озере два месяца?

Озеро меня мало заинтересовало. Я плохо плаваю. И на лодках меня укачивает. Зато в грядущем переезде я углядела кое-какую выгоду.

— Мамочка, — еле́йным голосом начала я, — конечно, давайте переедем, прямо сейчас пойду упаковывать рюкзак. Вот только вы разрешите мне наконец покрасить волосы в розовый цвет.

Целый год выпрашиваю. А папа ни в какую!

Вот и сейчас он схватился за голову, а мама расхоталась:

— Ну давай разрешим, на время каникул!

— Ты что, волосы испортит.

— Не испортит, я прослежу.

И мама подмигнула мне! Ура!

Разговор этот состоялся в начале мая. А уже в конце июня мы с мамой сходили в салон, где она сама стрижется и где мой блонд превратили в пастельно-розовый оттенок. Я, конечно, хотела поярче. Но мама посоветовала так сразу папу не пугать. Что ж, в этом была логика. Там же, в салоне, мама купила мне бутылочку оттеночного шампуня. Как раз хватит до конца каникул.

Вечером я сложила в желтый рюкзак мягкого медвежонка, с которым не расстаюсь с пяти лет, четыре книжки, которые нам задали прочитать на лето, черный купальник, джинсовые шорты и несколько футболок. На первое время хватит. Вот прошлый переезд был, конечно, масштабный. Чего мы только с собой не везли! Я хотела забрать все свои игрушки

и книжки, но мне не разрешили. Мы ехали на машине, чтобы перевезти мамины картины. Ужасные впечатления. Конечно, я была маленькой, поэтому игрушки, которые пришлось подарить другим детям, занимали все мои мысли. Меня дико укачивало, как всегда в транспорте. Я то и дело просила папу остановиться. Еще помню, как мама возмущалась, когда таможенники потребовали справку о том, что картины в багажнике не являются национальным достоянием. Мы уже давно отъехали от границы, а она все не могла успокоиться:

— Понимали бы что в искусстве! Не являются достоянием... Время покажет. Будете жалеть, что не взяли автограф.

В общем, ранним утром первого июля я оказалась в папиной машине. С короткими розовыми волосами, в обнимку с желтым рюкзаком.

— Озеро Блед — жемчужина Словении! — восклицала мама.

А я пыталась представить, что же нового принесут мне каникулы на этой жемчужине.

ГЛАВА 2

Дом был большой. На первом этаже — апартаменты хозяйки. Госпа* Власта — типичная словенская старушка. На глаз старше моей бабушки, но высокая, подтянутая и совсем седая. Задержала нас с мамой, наверное, на целый час. Все ей интересно.

Вырвались мы от нее, только пообещав заглянуть попозже. Каждый день в пять часов госпа Власта варит кофе и рада компании. Я его не пью, конечно, но аромат свежей выпечки из кухни намекал, что зайти на этот файф-о-клок стоит.

Итак, мы на втором этаже. Типичное словенское жилище. По крайней мере, и наша квартира в Люб-

* Gospa (слов.) — госпожа.

ляне, и дома моих одноклассников выглядят удивительно похоже друг на друга — как под копирку. Хоть «Иронию судьбы»* снимай. Словенскую версию. Белые стены везде, кухня и гостиная объединены, в зоне гостиной — огромный диван и большой телевизор на стене. Маленькие спальни. В этом доме их две: для родителей и для меня. Чур, моя с балконом. Санузел в сером мраморе — скучно.

Мама всегда вздыхает, глядя на словенские интерьеры. У нас дома, в Нижнем, она сама расписала все стены узорами через трафарет. Папа, конечно, предлагал поклеить обои, «как все нормальные люди», но мама упрямо продолжала тюкать губкой по стенам через вырезанные кусочки картона. Я тоже помогала. В гостиной, помимо маминых узоров, встречаются и мои ладошки. А что вы хотели? Мне было пять.

Хотя этот дом все же был немного особенным. На чердаке, куда вела кованая винтовая лестница, скрывалось огромное пространство с большими окнами прямо в крыше. Конечно, я первым делом залезла туда. Мама последовала за мной.

* «Ирония судьбы, или С легким паром!» — советский двухсерийный фильм 1975 года. По сюжету главный герой из-за одинаковой застройки городов по ошибке приезжает не к себе домой, а к посторонней девушке.

— Моя мастерская! — счастливо объявила она и закружилась в пустой комнате.

— Тебе будет здесь жарко, — проворчал папа.

Он уже перенес часть вещей в дом и пытался протиснуть мольберт и мамины ящики с красками по узкой винтовой лестнице. Получалось плохо.

— Не занудствуй! Подумаешь, жарко. Ну, открою все окна, поставлю вентилятор. Зато какой здесь свет!

Я оставила их препираться, закинула рюкзак в свою спальню. С балконом. И отправилась осматривать сад.

Хм, а он ухоженный. Никаких грядок и теплиц — только цветники, газон и деревья. Надеюсь, в обмен на вкусно пахнущую выпечку хозяйка не заставит меня поливать кусты роз.

Я попыталась прикинуть, есть ли тут два подходящих дерева, чтобы натянуть между ними гамак. И неожиданно увидела две длинные ноги в желтых кедах. Они свисали с дерева. Я подняла глаза.

Девчонка с очень кудрявыми длинными волосами сидела на ветке и внимательно разглядывала меня.

— Что ты делаешь на дереве? — я нерешительно обратилась к ней на словенском.

— Ищу орехи.

— Ты же не белка.

— Точно! — Девчонка засмеялась. — Я Кая. Живу здесь недалеко. Тетя Власта рассказала моей маме, что к ней на лето приезжает семья с девочкой. Вот я и пришла на вас посмотреть. Привет.

С этими словами Кая спрыгнула с дерева и, оказавшись прямо передо мной, протянула ладошку.

Вот это да. Я, конечно, собиралась заводить здесь новые знакомства. Но чтобы новое знакомство буквально поджидало меня на дереве в день приезда? К такому я точно не была готова. Хорошо еще, что эту девочку легко запомнить: такой шевелюры наверняка ни у кого в округе больше нет.

Я протянула ей руку и пробормотала:

— Я Ульяна.

— Ул-а-а-ана — красивое имя, — похвалила Кая, энергично потряхивая мою руку. Я только закатила глаза. Начинается.

— Спасибо, у тебя тоже красивое имя: Ка-я.

Папа учил меня так запоминать новые имена. Несколько раз упоминать их в разговоре. Ну я и стала.

— Кая, где ты живешь?

— На большой ферме в центре деревни.

— У вас что, коровы есть?

— И поросята, и курицы, и утки, и кролики. Хочешь посмотреть?

— Спрашиваешь! Только надо отпроситься у родителей. А сколько тебе лет, Кая?

— Одиннадцать.

— Мне тоже, — обрадовалась я.

Тут я заметила во дворе дома маму и окликнула ее — конечно, по-русски:

— Мам, можно я пойду посмотреть кроликов к соседям?

Мама вытаскивала из машины цветочные горшки — «не оставлять же бедные герани в одиночестве на два месяца» — и только крикнула в ответ:

— Через час — домой, поедем в магазин.

Кая стояла рядом с вытаращенными глазами:

— Какой непонятный язык. Тетя Власта рассказала мне, что вы из России.

Ох уж эта тетя Власта — местное справочное бюро, деревенская сплетница.

Я пожала плечами:

— Два года назад переехали. Пошли посмотреть кроликов.

Дорогой Кая непрерывно тарыхтела:

— Все разъехались на лето. Нина и Тадей в лагере, Катарина на море, Симон тоже. Я хожу на озеро каждый день. Хочешь со мной? Еще я занимаюсь скалолазанием, но летом нет занятий. Хожу в горы с папой. У меня есть сестра Урша, ей шестнадцать, она учится в гимназии. У нее столько занятий, что я ее почти не вижу. Сейчас она ищет подработку на лето. У тебя красивый цвет волос, как это тебе разрешили?

Наконец-то и мне удалось вставить слово. Я вкратце рассказала новой приятельнице историю нашего переезда на Блед.

— Вау-у-у, ты умная, — заключила Кая.

Я не стала с ней спорить.

Но призналась в одном постыдном факте своей биографии:

— Я плохо плаваю.

Кая уставилась на меня большими карими глазами.

— Как это? Все умеют плавать.

— Ну и я умею — правда, только там, где мелко.

— Я научилась плавать в четыре года.

— В России мы жили далеко от моря.

— Мы тоже далеко. — Кая понимающе закивала. — Два часа. По летним пробкам — два с половиной. А вам?

Понятно. Опять придется карту показывать на телефоне.

— Два дня на поезде.

Кая опять округлила глаза, потом встряхнула кудряшками и улыбнулась:

— Спорим, до конца лета научу тебя плавать, как морской пес?*

— По-собачьи, что ли? Это я и сама умею.

«Три метра по-собачьи» — так бабушка называет мой стиль плавания.

— Это рыба такая. Ну, как в «Челюстях».

— Акула?

— Не знаю, как по-русски, но только морской пес — это рыба, а не собака, — заупрямилась Кая.

* Morski pes (слов.) — акула.

Тут мы подошли к ферме. Кая провела для меня целую экскурсию. Особенно мне понравились кролики — ну просто пушистые помпончики. Может, если мы подружимся, Кая подарит мне одного? Было бы круто.

Осмотрев все уголки фермы, я засобиравалась домой:

— Мне пора, я еще вещи не разложила и в магазин с родителями хочу поехать. А то опять забудут йогурты на завтрак.

— Если забудут — приходи к нам, мама делает домашний.

Вот это да. Ее мама делает домашний йогурт, а моя — забывает купить. Какие разные женщины!

Мы попрощались, и я уже прошла шагов тридцать, когда услышала крик:

— Улана-а-а, а на велосипеде ты кататься умеешь?

Да за кого меня принимает эта мисс Словения в категории «Спорт»?

— Конечно! — проорала я в ответ и пошла быстрее. Родители наверняка уже ждали меня.